

УДК 1(091)

ПЕРВАЯ ФИЛОСОФИЯ Э. ГУССЕРЛЯ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ КАК НАУКИ

С. В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
s.berdaus@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема соотношения критического и догматического типов мышления в контексте проекта научной философии Гуссерля. Высказана точка зрения, согласно которой программа наукоучения Гуссерля не была свернута на момент завершения дескриптивного этапа, а, напротив, была продолжена и расширена на этапе трансцендентальной феноменологии. На материале первой части лекций «Первая философия», принадлежащих этому этапу, продемонстрировано, как с помощью историко-эйдетической редукции и концепта единства мотивации основатель феноменологии намечает путь освоения «начинающим» философом принципов критического мышления. Эти принципы, вкуче с феноменологической редукцией, формируют особую диспозицию догматического и критического в проекте феноменологии как строгой науки, где догматическое и критическое сливаются в фундаментальное требование саморефлексии и ответственности философа.

Ключевые слова: феноменология, Гуссерль, критическое мышление, Первая философия, историческая редукция, единство мотивации.

Для цитирования: Бердаус, С. В. (2020). Первая философия Э. Гуссерля в контексте феноменологии как науки. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 20-27 DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.20-27

THE FIRST PHILOSOPHY OF E. HUSSERL IN THE CONTEXT OF PHENOMENOLOGY AS A SCIENCE

S. V. Berdaus

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
s.berdaus@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the relationship between critical and dogmatic types of thinking in the context of the project of scientific philosophy created by Husserl. The point of view is expressed according to which the program of science teaching of Husserl was not completed at the end of the descriptive stage, but, on the contrary, was continued and expanded at the stage of transcendental phenomenology. Based on the material of the first part of the lectures “First Philosophy” belonging to this stage, it is demonstrated how Husserl, with the help of historical-eidetic reduction and the concept of the unity of motivation, outlines the way for the “naïve” philosopher to master the principles of critical thinking. These principles, coupled with phenomenological reduction, form a special disposition of the dogmatic and the critical in the project of phenomenology as a rigorous science, where the dogmatic and the critical merge into the fundamental requirement of the philosopher's self-reflection and responsibility.

Keywords: Phenomenology, Husserl, critical thinking, First philosophy, historical reduction, unity of motivation.

For citation: Berdaus, S. V. (2020). The first philosophy of E. Husserl in the context of phenomenology as a science. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 20-27 DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.20-27

По-видимому, можно признать, что на сегодняшний день все еще отсутствует некое общепризнанное понимание того, чем является философия, и, как следствие, отсутствует и такое определение философии, которое можно было бы считать удовлетворительным во всех отношениях. Также можно признать, что наиболее безуспешными в плане попыток определить предмет философии являются подходы катафатические, чего нельзя сказать о подходах апофатических. Отказ, даваемый философии в праве на бытие чем-то – наукой, искусством, техникой и т.п. – весьма распространенный пропедевтический прием. Наиболее важным – для обеих сторон – является подчеркивание сепарации, происходящей между философией и наукой. Если в общих чертах описывать эту сепарацию, то она проходит по линии типизации мышления или точнее образа мышления, который будет считаться допустимым в соответствующей сфере. На важный в этом отношении аспект сепарации обращает внимание Т. И. Ойзерман: «Философия – единственная область знания, в которой согласие между ее выдающимися представителями составляет скорее исключение, чем правило. В науках, обычно называемых частными, точными, специальными, область разногласий сравнительно небольшая часть огромной, уже освоенной территории, на которой царят мир и доброе согласие. Изучающий любую из этих наук в известном смысле слова лишен выбора: он усваивает установленные истины, которые могут быть, правда, дополнены, конкретизированы, но едва ли опровергнуты. Не то в философии, где существует множество учений, течений, направлений и каждое из них имеет, как правило, не только историческое оправдание, но и некоторый актуальный смысл. Тут приходится выбирать, погружаться в специфическую атмосферу философского, по природе своей *конфронтирующего* [курсив наш – С.Б.] мышления, чтобы обрести свою точку зрения, отвергнув все другие, несовместимые с ней» [Ойзерман, 1971, с. 3]. Таким образом, поляризация конфронтирующего (критического) мышления философа и позитивно-догматического мышления ученого – вполне органичный процесс, обусловленный предметной спецификой, целями и задачами этих сфер.

Тем большую озадаченность вызывает тяга некоторых философов и целых философских направлений каким-то образом соединять эти два типа мышления. Результатом подобного соединения выступают разнообразные проекты научных философий, общей чертой которых является стремление ослабить один из типов мышления в пользу второго. Как правило, ослаблению подвергается именно конфронтирующее философское мышление за счет стабилизации его в определенных отношениях более конструктивным позитивным научным мышлением. Более редкими представляются варианты обратной асимметрии, т.е. такие проекты научных философий, которые выстраиваются с опорой на критическое мышление, редуцируя догматический потенциал научного мышления к функциональному минимуму, необходимому постольку, поскольку конечным результатом подобных проектов выступает все-таки формирование научного знания, так или иначе подразумевающего определенные элементы догмы. Среди проектов подобного типа отдельного внимания своей широкомасштабностью, а также своим новаторством заслуживает исследовательская программа Э. Гуссерля.

В целом проблемы науки, научной рациональности составляли одну из центральных тем феноменологии, в чем можно убедиться, обратившись не только к опубликованным работам, но и к материалам лекций и переписке разных лет [см.: Fisetite, 2003, pp. 49-55]. Феноменология в этих работах предстает универсальным фундаментом, теоретическим обоснованием всех конкретных наук, в чем очевидным образом просматриваются преемственность идей таких классических философов, как Декарт, Кант, Фихте, Лотце, Больцано и др. Однако программа Гуссерля предполагала значительное расширение и развитие проектов обозначенных философов. По каким направлениям пошло расширение проекта научной философии Гуссерля?

Еще на раннем этапе своего творчества Гуссерль пытается создать проект такого логического учения, который мог бы лечь в основу построения всех других наук. В качестве теоретического фундамента такой проект должен был бы гарантировать рациональности как таковой защиту от каких бы то ни было угроз со стороны психологизма, релятивизма и скептицизма. Для этого Гуссерль задает новые содержательно-функциональные рамки логики, принципиально отличающие ее от традиционного статуса логики как технического учения (Kunstlehre), одним из главных уязвимых моментов которого был практический интерес, обуславливающий любую научную деятельность. Исторически сложилось так, что в рамках науки этот практический интерес осознанно или неосознанно переходил в теоретическую установку, тем самым контаминируя последнюю изменчивым эмпирическим содержанием. Конструктивные поиски логики, лишенной недостатков своей предшественницы, обернулись длительным (вплоть до «Кризиса европейских наук») становлением феноменологического проекта, в котором можно выделить три уровня: 1) теоретический («целый комплекс учений о принципах, чистых дисциплинах: чистая логика, чистый матезис, чистая естественная наука, чистое учение о пространстве и времени, чистое сущностное учение о душе (индивидуальной и социальной), чистая теория ценностей, чистая практика; и, кроме того, ноэтические дисциплины» [Husserl, 1988, s. 182]; 2) нормативный (совокупность норм, аккумулированных из того, что Гуссерль называет идеальной нормальностью, а именно из совокупности норм чистого неэмпирического разума); 3) практический (исследование ноэтических условий познания, которое в дальнейшем нашло свое выражение в трансцендентальной феноменологии). Здесь следует отметить, что, хотя в исследовательской литературе устоялось мнение о сворачивании Гуссерлем программы наукоучения и логицизма, составляющих основу дескриптивного периода его творчества, переход к трансцендентальной стадии феноменологии представляет собой наслаивание идей этого периода на предыдущие разработки. Без концептуального базиса в виде обозначенных выше теоретического и нормативного уровней развитие трансцендентальной составляющей было бы просто невозможно. Далее мы остановимся подробнее на практическом (ноэтических условиях познания) уровне, опираясь на анализ лекций Гуссерля «Первая философия».

Лекции «Первая философия», опубликованные в седьмом и восьмом томах Гуссерлианы, малоизвестны русскоязычному читателю, да и в зарубежной исследовательской литературе отклик на эту работу представлен в достаточно незначительном объеме [помимо использованной в данной статье литературы см.: Lee Nam-In, 2010; Luft, 2010; Sokolowski,

2010; Ströker, 1988]. Главной причиной такого слабого интереса нам видится именно факт отрыва этой работы от целостного замысла Гуссерля касательно феноменологической логики как проекта с динамической структурой и содержанием, которое расширяется согласно эволюции целей и задач этого проекта в целом. Вне этого замысла идейные контуры «Первой философии» расплываются из-за наложения историко-философских соображений на повторение общих и частных положений о феноменологической редукции. Если же воспринимать эту работу в качестве разносторонней проработки и введения практического уровня как трансцендентального условия функционирования теоретического и нормативного, то можно отчетливо увидеть, что в «Первой философии» Гуссерль очерчивает историческое (но не историцистское) становление субъективности, которая необходимым образом приближается к тому идеалу наделенного этой субъективностью «философа», который позже будет описан в «Кризисе европейских наук». На эту преемственность идей дескриптивного периода обращает внимание и редактор лекций «Первая философия» Рудольф Бём, отмечая, что «ход мысли, который Гуссерль развивает в [этих] лекциях, несет весь вес его идей и исследований. Из чего можно понять ту важность “форм развития” феноменологии, которые она приняла в этих лекциях для осознания единства её мысли» [Boehm, 1956, s. XII].

Чем обусловлен выбор названия для этих лекций? Как известно, термин «Первая философия» первоначально был введен Аристотелем, однако Гуссерль, заимствуя идею сущностной первичности¹ и значимости, полностью меняет содержательный план Первой философии как дисциплины²: отныне ее должна представлять трансцендентальная теория познания, которая в рамках феноменологии будет относиться уже ко Второй философии³, а не метафизика как наука о сущем поскольку оно сущее (или о фактичности в терминологии Гуссерля: «фактичность... это область не феноменологии и логики, а метафизики» [Ibid., s. XV]). Конструирование трансцендентальной теории познания является предварительным условием, предшествующим развитию метафизики, а после того, как эта трансцендентальная теория будет разработана, она на постоянной основе «будет сопровождать всю метафизическую работу в функции нормирования относительно объективного придания смысла и методологии» [Ibid., s. XVI].

Лекции «Первая философия» состоят из двух частей, тематически распределенных в седьмом и восьмом томах Гуссерлианы. Первая часть носит историко-философский характер, где в рамках критической истории идей излагается история становления мысли от Сократа и Платона до Лейбница и Канта. Вторая часть полностью посвящена теории феноменологической редукции. Далее мы сконцентрируемся только на первой части лекций,

¹ «Процесс упорядочивания наук осуществляется не в рамках свободной комбинаторики или некоего соизволения, а скорее несет в себе (in sich) порядок и принципы этого порядка, таким образом название “Первая философия” действительно будет носить то, что “само по себе” (an sich) является первым, т.е. является первым по сущностным причинам» [Husserl, 1956, s. 4].

² Следует указать, что Гуссерль выражал свою близость к Первой философии Декарта в силу ее эпистемологической направленности. Нельзя сказать, что Гуссерль отвергает метафизику, скорее он обвиняет Декарта за догматическую метафизику, которая в конце концов и заняла у него место Первой философии.

³ К базовому вопросу Второй философии (метафизики – в рамках феноменологической программы) будет относиться «проблема иррациональности трансцендентальных фактов, которые обнаруживаются в конституции фактического мира и фактической духовной жизни» [Boehm, 1956, s. XVII].

поскольку в ней сосредоточены предварительные для каждого «начинающего» философа (anfangender Philosoph) точки вхождения в критическую мысль, соответствующие, согласно Гуссерлю, ключевым этапам становления субъективности от античности до современности. Для более отчетливого представления историко-философских установок Гуссерля в этих лекциях, Дж. Аллен предлагает начать с определения общего контекста, в котором разворачивается анализ предыдущей философской традиции: «это определено не контекст эмпиризма, для которого история – это совокупность объективных фактов, происходящих в причинно-следственной последовательности. Это и не контекст идеализма, для которого история – это достижение и становление мирового духа» [Allen, 1982, p. 614]. Подходящим контекстом феноменологической версии истории философии Дж. Аллен считает контекст так называемой «эйдетической» истории, истории идей и, что еще более важно, истории экземплярных моментов⁴, которые формируют поворотные точки в развитии философской мысли. И поскольку это эйдетическая история, отдельные философы представлены сообразно тому, каким образом их мысли внесли вклад в основную типологию философского сознания. Подробный анализ особенностей историко-философских подходов Гуссерля не входит в задачи этой статьи, поэтому мы ограничимся лишь проговариванием определенных процедур и установок первой части рассматриваемых лекций.

Во-первых, эйдетическая и критическая история осуществляется с помощью особенного методологического подхода к истории: исторической редукции. Отличительной чертой этого методологического подхода выступает намерение как можно ярче высветить так называемую «позиционность» любого подхода к истории: не существует непозиционной точки, т.е. такой точки, которая должна быть вне истории. Соответственно, понять, что каждый взгляд на историю позиционален, – значит начать смотреть на историю критически и эйдетически. Выход из объективистского подхода к истории и установление себя в позиции наблюдателя позволяют философу описать идейное содержание тех поворотных моментов, которые являются центральными в истории мысли. Во-вторых, сквозной и достаточно неоднозначной темой, которую Гуссерль внедряет в свой историко-философский анализ, является так называемое «единство мотивации». В самых общих чертах единство мотивации – это регулятивный принцип единства мышления и воли, который проявляется в «идеале рационального человечества; оно объединяет идею философии как универсальной науки, которая обеспечивает основу для всего знания, и волю философа к достижению ясности в отношении такой строго обоснованной науки. Единство мотивации объединяет автономию, которая возникает вместе с самопониманием и самокритикой субъекта, и свободу, которая возникает с самоответственностью субъекта» [Ibid., p. 618]. Таким образом, можно предположить, что историко-философские намерения Гуссерля относительно установления единства мотивации в генезисе европейской мысли связаны с конституированием абсолютного начала не только в лице феноменологии как первичной метадисциплины, но и в лице феноменолога как постоянно «начинающего» философа, для которого единство мотивации тождественно принципу обновления жизни разума (теоретического, практического и аксиологического), т.е. принципу развития разумного человечества в целом.

⁴ Тезисное изложение этих «экземплярных элементов» см.: [Jeffner, 1982, pp. 616-617].

Если все описанное в предыдущем абзаце перевести в план более свободного рассуждения (что неизбежно чревато искажением некоторых смысловых нюансов), то можно отметить следующее. Известно, что одним из философов, оказавших наибольшее влияние на Гуссерля (особенно трансцендентального периода), являлся Декарт. Открытое им *cogito* основатель феноменологии считал величайшим достижением европейской мысли. Однако те выводы, которые сделал Декарт из этого открытия, Гуссерль считал ошибочными и даже пагубными, приведшими Картезия к очередному варианту догматической метафизики. Для Гуссерля *cogito* представлял серьезнейший интерес, он видел в нем бесконечный потенциал для роста и развития знания. *Cogito* – это предельно сложная, порой неуловимая структура, которая в то же время парадоксальным образом лежит в основе как повседневной, так и научно-ориентированной активности субъективности. Поэтому для Гуссерля было важно не определить и как-то понятийно зафиксировать *cogito*, тем самым догматизируя его сущность и нивелируя эвристический потенциал, а скорее смоделировать установку на постоянно возобновляющиеся самоотчет и рефлексии к этому непрерывно становящемуся, «праисконному» (*Ursprung*) центру мыслящей субъективности. В этом отношении вводимая им историческая редукция к генезису субъективности представляется одной из таких смоделированных установок, удерживающих от рассматривания *cogito* как чего-то само собой разумеющегося. Здесь важно отметить, что, когда Гуссерль реконструирует «историю» *cogito*, он работает не с тем, что в буквальном смысле открыл Декарт, он как бы изымает эту структуру из контекста картезианской философии и внедряет её в общий план европейской мысли, в этом плане *cogito* – это, если так можно выразиться, мета-трансцендентальная структура, проявлявшаяся в мысли ее ключевых реформаторов (Сократа, Платона, Аристотеля, софистов, скептиков, Декарта, Юма, Локка, Канта). А подчеркиваемое Гуссерлем единство мотивации позволяет удерживать идейный вектор многовековых поисков этих мыслителей, осознавать побудительные причины их философских поисков, и, как следствие, проникаться чувством ответственности за результат мысли, поскольку её действие и влияние носят поистине фундаментальное влияние. В конечном итоге цель исторической редукции – «реактивация старых мотивов мышления и формирование абсолютно новых, что и будет составлять бесконечную реформу всей философии» [*Ibid.*, p. 620].

Следствием осуществления историко-эйдетической редукции будет готовность начинающего мыслителя осознанно избрать для себя путь как скептически, догматически или критически мыслящего философа. Избрание третьего пути предполагает следующий шаг – проведение феноменологической редукции, подробное описание которой и содержится во второй части «Первой философии». В рамках этой процедуры оттачивается навык философа проводить различия (критику): между «трансцендентальным субъектом и психологическим, категориальной интуицией и восприятием, добродетелью и самоконтролем, пороком и акрасией, наукой о сущем поскольку оно сущее и наукой о части бытия» [Sokolowski, 2012, p. 27]. Представитель американской феноменологии восточного побережья Роберт Соколовски, проводивший сравнение версий Первой философии Аристотеля и Гуссерля, отмечает, что оба мыслителя «постоянно проводят различия в своей

философии. <...>. Проведение различий предшествует другим формам рассуждений; это отличается от предикации и логического вывода. Это дает содержание философии. <...> Философская аподиктичность не просто всплывает в наших умах; это происходит, когда мы достигаем различий в рамках философской точки зрения» [Ibid., p. 27].

Итак, в начале статьи мы проблематизировали возможность проектов научной философии, в центре чего была проблема соотношения догматического и конфронтующего (критического) образа мысли, распределенного по соответствующим сферам. Феноменология как один из проектов научной философии за счет практического (трансцендентального) уровня своей исследовательской программы решительно выдвигает на первый план критический образ мышления. Чем же будут обеспечиваться ее притязания на универсальную науку, с ударением на последнем слове? Решение Гуссерля в этом вопросе носит весьма симптоматичный характер: необходимо изменить сам сущностный смысл науки, разместив в ее основе лишь одну догму – универсальное самоосмысление и ответственность философа.

Список литературы / References

Ойзерман, Т. И. (1971). *Главные философские направления (Теоретический анализ историко-философского процесса)*. М.

Oizerman, T. I. (1971). *The main philosophical directions (Theoretical analysis of the historical and philosophical process)*. Moscow. (In Russ.)

Allen, J. (1982). What is Husserl's First Philosophy? *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 42. no 4. pp. 610-620.

Boehm, R. (1956). Einleitung des Herausgebers. In Husserl, E. *Erste Philosophie. Erster Teil (1923/24)*. (Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. 7). Haag. Martinus Nijhoff. S. XI-XXXIV.

Fisette, D. (2003). Husserl's Programme of a Wissenschaftslehre in the Logical Investigations. In Fisette, D. (ed.) *Husserl's Logical Investigations Reconsidered. Contributions to Phenomenology*. Vol. 48. Dordrecht, Boston, London. Kluwer Academic Publishers. pp. 35-58.

Husserl, E. (1956). *Erste Philosophie. Erster Teil (1923/24)*. (Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. 7). Haag. Martinus Nijhoff.

Husserl, E. (1988). *Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908-1914*. (Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. 28). Dordrecht, Boston, London. Kluwer Academic Publishers.

Lee, N.-I. (2010). Phenomenological Reflections on the Possibility of First Philosophy. *Husserl Studies*. V. 26 (2). pp. 131-145.

Luft, S. (2010). Phenomenology as First Philosophy: A Prehistory. In Ierna, C.; Jacobs, H. (eds.) *Philosophy, Phenomenology, Science: Essays in Commemoration of Edmund Husserl. Phaenomenologica 200*. Dordrecht, Heidelberg, London, New York. Springer Science, Business Media B. V. pp. 107-133.

Sokolowski, R. (2010). Husserl on First Philosophy'. In Ierna, C., Jacobs, H. (eds.) *Philosophy, Phenomenology, Science: Essays in Commemoration of Edmund Husserl, Phaenomenologica 200*. Dordrecht, Heidelberg, London, New York. Springer Science, Business Media B. V. pp. 3-23.

Ströker, E. (1988). Phenomenology as First Philosophy: Reflections on Husserl. In Sokolowski, R. (ed.) *Edmund Husserl and the Phenomenological Tradition*. Washington. The Catholic University of America Press. pp. 249-263.

Сведения об авторе / Information about the author

Бердаус Светлана Владимировна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

Статья поступила в редакцию: 20.09.2020

После доработки: 20.11.2020

Принята к публикации: 28.11.2020

Berdaus Svetlana – Candidate of Philosophical Sciences, Research Assistant at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

The paper was submitted: 20.09.2020

Received after reworking: 20.11.2020

Accepted for publication: 28.11.2020